

*Моим родителям,
моей дорогой жене Даше,
моим учителям*

ВВЕДЕНИЕ

Московские стрельцы в работах специалистов дореволюционной и советской исторической науки практически всегда рассматривались в предвзятом сравнении с армией Петра I и получали ярлык «отсталых» войск, «утративших боеспособность». «Отсталость» определялась принадлежностью стрелецкого корпуса к вооруженным силам «старой» России. Армия Петра I считалась «прогрессивной», «передовой» и «боеспособной», потому что относилась к «новой», петровской России. В дореволюционной историографии сложилась традиция, закрепившаяся в дальнейшем и в трудах советских историков, рассматривать Россию XVII в. сквозь призму неоспоримых положительных оценок реформ Петра I. До Петра были дикость и невежество, после — цивилизация и просвещение.

Главной проблемой стрелецкой историографии до настоящего времени остается однобокая и предвзятая «петровская» линия. Простая критика этой точки зрения не в силах изменить создавшееся положение, т.к. смена акцентов с отрицательных на положительные не только не поможет, но и создаст новые историографические трудности.

Петр I создал новое государство и вооруженные силы, т.к. старые органы управления, законы, социальная структура и войска традиционной России были способны побеждать, но не могли выполнить глобальную стратегическую задачу превращения России в передовую морскую державу. Без выхода к морям и создания военных и торговых флотов было невозможно дальнейшее развитие государства. Для достижения этих целей требовались системные изменения. Петр был вынужден претворять их в жизнь в условиях глубокого внутреннего социально-экономического кризиса, внешнего конфликта с сильнейшим государством Северной Европы и жесткого лимита времени. На полях сражений ведущую роль стали играть пехота и артиллерия. Царю требовалась максимально эффективная пехота при минимуме затрат на обучение и вооружение. При создании таких частей был

максимально использован опыт и кадры московских стрельцов, но сами стрелецкие полки были заменены на солдатские. Поэтому критика или апологетика московских стрельцов не раскрывают всей глубины проблемы боеспособности московского стрелецкого корпуса как рода войск.

Решение проблемы видится: 1) в поиске значения и критериев термина «боеспособность», принятых в царской администрации во второй половине XVII — начале XVIII в. в отношении московских стрельцов, 2) в выяснении соответствия московских стрельцов указанным критериям боеспособности с помощью анализа участия стрельцов во всех основных сражениях второй половины XVII — начале XVIII в., 3) в необходимости проследить динамику развития московского стрелецкого корпуса во второй половине XVII — начале XVIII в.

Такая постановка рассматриваемой проблемы до настоящего времени не предпринималась и является актуальной.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Историография изучаемой проблемы хронологически делится на дооктябрьскую, советскую и современную.

Дореволюционная историография

До появления работы С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» историки не рассматривали вопросы, связанные со стрельцами. Так, книга В. Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времен»¹ посвящена исключительно древней истории России. «История государства Российского» Н. М. Карамзина доведена автором до Смуты, вопросы истории России XVII в. не рассмотрены. Единственное упоминание стрельцов, снабженное негативной характеристикой, Н. М. Карамзин привел в своей «Записке о древней и новой России»: «Явился Петр. В его детские лета самовольство вельмож, наглость стрельцов и властолюбие Софьи напоминали России несчастные времена смут боярских...»². Карамзин не занимался исто-

---

¹ *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен // Татищев В. Н. Собрание сочинений в 8 т. М.: Ладомир, 1994. Т. 2–7.

² *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России // О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 387.

рией стрелецкого войска. Своим замечанием историк положил начало сакрализации любых действий Петра I и огульной критике московских стрельцов.

Дальнейшее развитие эта «антистрелецкая» линия историографии получила в работе М.П. Погодина. Историк упомянул о стрельцах в статье о Петре I, в которой обосновывал необходимость реформ по образцу европейских стран, проводил аналогии с развитием древней Руси и норманнами: «Петр преобразовал войско: не посоветуют ли Петру пощадить стрельцов? Я согласен, что в их истории есть несколько пиитических моментов, но оставить их на свободе после бунтов в пользу Софьи и ее любимцев, готовых верить всякой лжи и проливать какую угодно кровь, оставить их с тем, чтоб из них, с первыми удачными опытами, сделались опричники или преторианцы, не подумаю ни на минуту, несмотря на их национальность...»¹.

Погодин не задавался целью исследовать проблематику стрелецкой истории. Его статья является полемическим текстом — перечнем успехов Петра I, прославлением его достижений. Критика стрельцов подана весьма своеобразно. Фраза была построена так, что критика стрельцов кажется естественной, не вызывающей сомнений. Сравнения с опричниками, преторианцами и намек на янычар призваны были вызвать в сознании читателя или слушателя аналогии, доказывающие, что стрельцы — это варварское, анахроничное войско. Эти риторические формулы были приняты его последователями как абсолютная истина, не подлежащая сомнению. Погодинская точка зрения оказала большое влияние на исторические взгляды Соловьева.

Очерки И. Д. Беляева² и Н. Г. Устрялова³ об общем состоянии и облике вооруженных сил России XVII в. рассказывают о стрельцах и прочих родах войск русской армии XVII в. Обе работы носят исключительно описательный характер. Источниковая база этих исследований не была широкой, т.к. авторы пользовались ранее опубликованными материалами Археографической комиссии. Такие темы исследований в середине XIX в. в российской исторической науке и не могли быть представлены иначе. Идеология господствующей «государственной школы» предполагала такие вопросы, как история вооруженных сил и т.п., второстепенными, по сравнению с действиями конкретных исторических фигур, в частности Петра I.

¹ Погодин М. П. Петр Первый и национальное органическое развитие // Русский вестник. 1863. Т. 46. № 7–8. С. 378.

² Беляев И. Д. О русском войске в царствование Михаила Фёдоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.

³ Устрялов И. Г. Русское войско до Петра Великого. СПб., 1856.

Следует отметить фундаментальный труд А. В. Висковатова¹, в котором автору удалось собрать и опубликовать сведения, касающиеся униформы и оружия русской армии периода X–XIX вв. Висковатов подробно рассмотрел стрелецкую униформу и знамена на материалах записок Котошихина, Пальмквиста, Мейерберга, Паерле и других, а также источников из фондов Оружейной палаты. А. В. Висковатов явился новатором в избранной им теме, поскольку ни один исследователь ранее не останавливался на вопросах стрелецкой униформы. На долгие годы работа Висковатова была признана образцовой.

Среди дореволюционных работ, посвященных проблемам Российского государства XVII в., связанных с вооруженными силами, следует особенно выделить труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен»². Факты царствования первых Романовых рассматривались им сквозь призму сформулированного М. П. Погодиным догмата об абсолютной необходимости и непогрешимости петровских реформ. Соловьев не ставил перед собой цель изучить состояние вооруженных сил России середины — конца XVII в. История стрелецкого войска его интересовала только в рамках развития общей концепции кризиса в России, который был преодолен гением Петра I. Поэтому историк дал общую характеристику всех стрельцов: «Стрельцы, составлявшие гарнизоны по городам, исполнявшие полицейские обязанности, жили с семействами своими в особых слободах и в свободное от службы время занимались разными промыслами...»³. Для Соловьева не имела значения разница между всем стрелецким сословием и строевыми подразделениями — стрелецкими приказами, между городскими и московскими стрельцами и т.д. В рассказе о появлении полков «нового строя» Соловьев дал еще одну общую характеристику стрельцов: «Стрельцы — войско, отправлявшееся в походы в военное время, составлявшее гарнизоны, также полицейскую и пожарную команду в городах. Стрельцы жили отдельными слободами в городах, каждый своим домом, промышляли и торговали и вместе служили государеву службу. В одной Москве их было больше 20 приказов, в приказе от 800 до 1000 человек. Один из них был приказ выборный, стреманный (так у Соловьева, правильное название «Стремянной». — А.П.), потому что

---

¹ Висковатов А. В. Историческое описание вооружения и обмундирования Российских войск, составленное по Высочайшему повелению. СПб., 1889. Ч. 1.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1991.

³ Там же. С. 255.

бывал всегда у царского стремени, оберегал государя и государыню во всех походах. Начальные люди у стрельцов — головы (полковники), полуголовы, сотники, пятидесятники и десятники; в головы, полуголовы и сотники берут из дворян и детей боярских, в пятидесятники и десятники — из стрельцов. Стрельцам давалось постоянное денежное жалованье, сукно на платье и соль...»¹. Эти слова ученого — почти дословный пересказ очерка Г.К. Котошихина². Уничжительная характеристика всего войска полностью отвечала концепции Соловьева о победе государственных начал над родовыми: «По единогласному свидетельству, московское войско гораздо лучше защищало города, чем сражалось в чистом поле...»³. К сожалению, списка участников «единогласия» Соловьев не привел. Альтернативой стрельцам Соловьев считал полки «нового строя» и, в дальнейшем, армию Петра I. Историк сформировал негативную оценку стрельцов, следуя оценкам источников, например, «Дневнику» П. Гордона. При этом Соловьев не проводил исследование этого памятника, просто повторяя за автором-современником его выводы. Немаловажно, что единственным доступным историку вариантом «Дневника» был перевод Д. Е. Келлера, выполненный в 30-х гг. XIX в. в единственном экземпляре по указу Николая I⁴. Келлер был чиновником Военного министерства, а не квалифицированным переводчиком и историком, вследствие чего эта работа не избежала многих неточностей и ошибок. Соловьев принял этот источник как данность.

Именно такой подход сформировал общую традицию негативных оценок стрельцов в российской историографии. Они признавались «отсталыми» только потому, что цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович создали полки «нового строя», а В.В. Голицын и Петр I провели военные реформы. Раз появилось новое, значит, старое было плохим.

Негативная оценка московских стрельцов во второй половине XIX в. стала канонической. Например, в обобщающей статье публициста Н. Родиславского⁵ стрельцы прямо названы «родом войск Азиатским», т.е. отсталым, в противовес передовой европейской армии Петра I.

¹ Там же. С. 71.

² Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. С. 157.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. С. 238.

⁴ Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Гордон П. Дневник 1659–1667. М.: Наука, 2002. С. 261–262.

⁵ Родиславский Н. Стрельцы // Москвитянин. 1850. № 1. С. 168–189.

В работе М. Д. Хмырова, члена Российского Военно-исторического общества, «антистрелецкая» линия получила дальнейшее развитие¹. Хмыров рассматривал московских и городских стрельцов как единую социальную группу. Историк не делал различий между стрелецким сословием и личным составом стрелецких приказов (позднее — полков). Хмыров считал стрельцов боеспособными, но склонными к бунту и уступающими солдатам «нового строя» по всем параметрам. Похожая точка зрения содержится в работе П. К. Гудим-Левковича² и П. О. Бобровского³, видных представителей военно-исторической школы русской дооктябрьской историографии.

А. К. Баиов в первом выпуске своего многотомного труда «Курс истории русского военного искусства»⁴, посвященного русскому войску XVII в., не вышел за рамки уже сложившейся «антистрелецкой» традиции, но обнаружил несоответствие фактов установившимся негативным оценкам. Исследователь обратил внимание на увеличение количества стрельцов к концу XVII в. и на сходство стрельцов и солдат: «Увеличение числа стрельцов было вполне естественно, т.к. они во всех отношениях близко подходили к войскам нового типа, а между тем постоянная почти борьба с западными государствами, обладающими многочисленной пехотой, требовала и в русских войсках иметь пехоты возможно больше...»⁵. Утверждение о «многочисленной пехоте» западных государств, с которыми воевала Россия в XVII в., справедливо лишь в отношении Швеции, но во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. не было ни одного крупного полевого сражения с массовым участием пехоты. Найти другое объяснение обнаруженному несоответствию «антистрелецкой» традиции и факту увеличения численности стрельцов Баиов не смог, т.к. сам работал в рамках указанной историографической линии.

---

¹ Хмыров М. Д. Стрельцы и первый стрелецкий бунт с раскольничьим мятежом // Северное сияние. 1863. Т. 2. № 3. С. 146.

² Гудим-Левкович П. К. Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 года. СПб., 1875.

³ Бобровский П. О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. М., 1882.

⁴ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. 1. От начала Руси до Петра Великого. СПб., 1909.

⁵ Там же. С. 132.

Советская историография

В советский период точка зрения, признающая безусловную положительную оценку петровских реформ, была принята и получила дальнейшее развитие. Соответственно, была принята негативная оценка московских стрельцов. При этом в советской историографии, в отличие от дооктябрьской, московские стрельцы рассматривались как в комплексе проблем русского войска XVII в., так и становились предметом отдельного изучения. Среди работ советских историков, посвященных эти вопросам, следует выделить труды А. В. Чернова, П. П. Епифанова, С. Л. Марголина, М. Д. Рабиновича.

В 1954 г. вышла работа А. В. Чернова¹, содержащая ретроспективный анализ развития вооруженных сил России с XV до конца XVII вв. Историк уделил московским стрельцам значительное внимание в своей работе, проследив их развитие от возникновения в 1550 г. до 1680–82 гг. Книга Чернова явилась значимой вехой в военной истории России XVII в., т.к. была первым и на долгое время единственным советским исследованием такого уровня и масштаба. Применительно к последней трети XVII в. Чернов писал о московских стрельцах: «Изменения иного характера произошли со стрельцами... Рост стрелецкого войска шел за счет московских стрельцов, число которых возросло с 8000 человек в 1637 г. до 22 500 человек в 1681 г. В походах участвовало 5–10% всех стрельцов, которые составляли от 4 до 12% общей численности войска. Значит, рост стрельцов не вызывался внешними потребностями государства...»². Чернов полагал, что полки «нового строя» были новыми, а значит — лучшими, по сравнению с частями «старого строя», но никак не отразил критерии «устарелости», согласно которым стрелецкие приказы якобы потеряли свое значение по сравнению с солдатами «нового строя». Историк обосновывал тезис, согласно которому появление регулярной армии в России не являлось результатом спонтанного решения Петра. Началом «регулярства» Чернов считал как раз полки «нового строя».

Работа Чернова стала своего рода универсальной энциклопедией русской военной истории XVII в. Все вопросы, поднимавшиеся в этой области исторического знания, так или иначе не выходили за рамки

---

¹ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954.

² Там же. С. 91.

концепции Чернова. Историки, разрабатывавшие невоенную проблематику, использовали работу Чернова как справочник с окончательно установленными истинами.

П. П. Епифанов¹ исследовал «Учение хитрости ратного строения пехотных людей» — один из старейших российских боевых уставов. В своей трактовке проблем, связанных со стрелецким войском, он повторил написанное Черновым и его предшественниками.

Работы С. Л. Марголина² и М. Д. Рабиновича³ представляют особый интерес. Необходимо отметить, что оба автора совершили первую попытку выхода за рамки «антистрелецкой» линии в историографии. Марголин рассматривал стрелецкое войско отдельно, не смешивая его, как Чернов, с другими родами войск, и привлекал не только традиционные источники, но и новый актовый материал.

Рабинович пытался установить некоторые пути преемственности армии царя Алексея Михайловича и армии Петра I по линии московских стрельцов. К сожалению, ни С. Л. Марголин, ни М. Д. Рабинович не создали больших работ по истории русского войска XVII — нач. XVIII в.

Отдельное место в историографии московских стрельцов занимают работы В. И. Буганова⁴, исследовавшего социальные конфликты второй половины XVII в. Московские стрельцы участвовали в подавлении Медного бунта 1662 г., являлись прямыми участниками восстаний 1682 г. и 1698 г. Буганов рассматривал московских стрельцов и как часть стрелецкого сословия, и как отдельную внутрисословную корпорацию.

Заметную роль в утверждении негативной оценки московских стрельцов сыграли труды Н. И. Павленко о Петре I, в которых автор давал лишь беглую характеристику стрелецкого войска: «В последней трети XVII в. стрелецкое войско по своему устройству, обучению, вооружению, а также укладу жизни являло собой анахронизм. Стре-

---

¹ *Епифанов П. П.* Учение и хитрость ратного строения пехотных людей (из истории русской армии XVII в.) // Ученые записки Моск. ун-та. М.: МГУ, 1954. Вып. 167. С. 77–89.

² *Марголин С. Л.* К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Мос. обл. ин-т. Учен. зап. труды каф. Истории России. Вып. 2. М., 1953; *Марголин С. Л.* Вооружение стрелецкого войска. М., 1949.

³ *Рабинович М. Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1954. Т. 58. С. 283–301.

⁴ *Буганов В. И.* Московское восстание в 1662 г. М., 1964; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969.

лецкие полки размещались семьями в стрельецких слободах Москвы. Они комплектовались из детей стрельцов, свободных от тягла родственников посадских и вообще из незакрепощенных людей. Служба была пожизненной, а получаемое от казны жалованье — скудным... Стрелецкое войско отличалось низкой боеспособностью. Привязанные к своим торгам, промыслам и к семейному очагу, стрельцы крайне неохотно покидали столицу и выражали недовольство, если отлучки были продолжительными. Главная обязанность стрельецких полков — их в столице насчитывалось 20 — состояла в несении полицейских обязанностей: они обеспечивали порядок, выполняли карательную службу. Два стрельецких полка находились на особом режиме и пользовались особыми привилегиями — сопровождали царя в поездках в монастыри, участвовали во всякого рода церемониях...»¹. Характеристика дана без каких-либо ссылок на источники. Налицо ряд терминологических обобщений, например, Н. И. Павленко ставил знак равенства между всем стрельецким войском и корпусом московских стрельцов, не делал различий между личным составом стрельецких подразделений и собственно стрельецким сословием. Московские стрельцы названы «анахронизмом», но внятных обоснований такой оценки не приведено, и нет обоснования тезиса о «низкой боеспособности». Главной обязанностью стрельцов декларативно названы «полицейские и карательные» функции. При отсутствии ссылок можно только предполагать, на какие источники опирался историк. В характеристике заметен пересказ записок Г. К. Котошихина с опорой на некоторые актовые материалы. Обращает на себя внимание сильное историографическое влияние С. М. Соловьева и А. В. Чернова, в частности, повторение соловьевского тезиса о «полицейских функциях». Павленко фактически дублировал выводы Соловьева и Чернова, не проводя никакой проверки эмпирических данных.

Современная историография

В советской исторической науке вопросы, связанные с московскими стрельцами, после работ Чернова, Марголина и Рабиновича считались в целом решенными. Отказ от идеологии и введение в научный оборот множества ранее неизвестных источников позволили современным исследователям начать работу по ревизии историографических штампов.

¹ Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 4.